



В. М. АРТЕМОВ

Свобода и нравственность в философии М. А. Бакунина

К числу теоретических заслуг М. А. Бакунина относится вывод о том, что освобождение общества и человека не может идти через новую диктатуру, оно возможно только на основе неполитических соглашений между заинтересованными в созидании людьми и социальными группами (ассоциациями), стремящимися к сотрудничеству и взаимопомощи. Такой подход более оправдан в социально-нравственном отношении, но, правда, весьма утопичен в смысле характеристики наличной готовности самого народа для подобного рода вариантов общественного переустройства. Проблему реальной неготовности людей взять историческую инициативу на себя в целом сумел увидеть и сам организатор знаменитой Лиги мира и свободы, ратуя за активизацию прежде всего образованной молодежи*, за развертывание хорошо поставленного и содержательного образования, которое рассматривалось им в качестве неотъемлемого элемента всей системы свободы в обществе.

Собственно открывшееся для него на определенном этапе духовно-нравственных и теоретических поисков противоречие между неприемлемым с позиций справедливости содержанием социально-политической и духовной жизни тогдашнего общества, с одной стороны, и идеологически приукрашенной формой этой жизни, представляемой с выгодных для властвующей элиты ракурсов, — с другой, как раз и определило основную линию его нравственно-философских поисков в направлении свободы.

На этом пути условно можно выделить по крайней мере два неравновеликих отрезка или разных по продолжительности этапа, которые, в свою очередь, могут быть разбиты на определенные

* См.: Бакунин М. А. Философия. Социология. Политика. М., 1989. С. 523.

периоды. Первый этап, длившийся примерно с середины 30-х до середины 60-х годов, в целом является временем анализа и выделения преимущественно внешних моментов свободы в ракурсе в основном политических и социальных преобразований.

Все начиналось с позиций революционного демократизма и романтизма, когда основные надежды возлагались на высокие духовно-нравственные характеристики людей, которые, окрепнув сами, смогут, овладев диалектикой, радикально преобразовать общество на коллективистских началах.

Наиболее плодотворным в теоретическом и практически-нравственном отношении оказался собственно анархистский этап творчества и деятельности Бакунина (строго говоря, это 1864–1876 гг.). Он отличается существенно новой постановкой проблемы свободы вообще и выходом на ее нравственную основу. В известном смысле здесь мы наблюдаем возврат к духовным факторам социальной активности, но уже без религиозного элемента.

Важно подчеркнуть значимость личностного фактора с его морально-этическим стержнем. Не случайно П. А. Кропоткин, размышляя в своих «Записках революционера» о секретах необыкновенного авторитета своего старшего соратника по борьбе со всяким угнетением личности и общества, особо подчеркивал: «Поразило меня больше всего то, что нравственное влияние Бакунина чувствовалось даже сильнее, чем влияние его умственного авторитета»*.

В связи с данным наблюдением целесообразно, как бы несколько забежав вперед, высветить такую принципиально значимую особенность успешно утверждающегося в сознании и практике современных людей антиэтатизма (читай — антитоталитаризма), как силу морального примера, затрагивающего даже тех, против кого социально-нравственный протест может быть направлен. Как сумел подметить автор «Записок революционера», «никакой революции — ни мирной, ни кровавой — не может совершиться без того, чтобы новые идеалы глубоко не проникли в тот самый класс, которого экономические и политические привилегии предстоит разрушить»**. По существу, речь идет об относительной самостоятельности и значимой силе духовно-нравственных феноменов, вес которых, условно говоря, прямо пропорционален интеллектуальному и моральному авторитету их носителей и распространителей. Авторитет же этот определяется, в конечном счете, всей жизненной стратегией человека, отличающегося личной свободой, ответственностью перед другими, самоотвер-

* Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1988. С. 277.

** Там же. С. 278.

женностью во имя общего дела, мужеством и последовательностью в деле помощи другим и т. п.

На первом плане у Бакунина не разрушение, тем более не радость по поводу разрушения устаревшего, реакционного; на первом плане — творческая радость, радость созидания, а значит и солидарного сотрудничества нравственно чистых людей. По существу, именно это и составляет бесценный капитал любых радикальных преобразований в обществе: не потенциал разрушения, а потенциал созидания.

В отличие от Достоевского, недалеко ушедшего от Канта в смысле ориентации на некоего абстрактного всечеловеческого человека, Бакунин, критикуя главных, на его взгляд, виновников сложившегося положения в обществе, в целом идет к человеку социально конкретному и вместе с тем живому, реально свободному и морально ответственному.

Именно это направление выводит русского гуманиста на проблему основного искусственного препятствия на пути добра и свободы. Им оказалась система авторитарно-политической власти, в принципе включающей все естественно-живое. Отсюда и закономерный приход демократически настроенного революционера в стан последовательного и решительного анархизма, понимаемого им как гуманистически ориентированное безвластие, базирующееся на справедливости и солидарности (об этом говорится уже в первом программном документе бакунизма «Международное тайное общество освобождения человечества», который был написан в форме письма к шведскому общественному деятелю А. Сульману в 1864 году: «Свобода — это не ограничение, а утверждение свободы всех. Это закон солидарности»^{*}).

Рассмотрение человека в качестве наиболее совершенного природного существа, вносящего порядок и смысл во все происходящее с ним и вокруг него, приводит к принципиальному неприятию всего авторитарного и надчеловеческого. Доброе начало в самом человеке и, соответственно, в обществе, освобожденном от искусственных, хотя и временно необходимых, властно-бюрократических структур, — все это и составит стержень солидарного сотрудничества между свободными людьми, действующими на благо всех и каждого. Цельность и широта творческой деятельности человека вытекают из единства космически-природного, хаос же «обеспечивает» разного рода прорывы и скачки, в том числе из царства животности в царство человечности и свободы.

Русский философ сделал себя анархистом в процессе целенаправленных поисков адекватной парадигмы объяснения и преобразования наличной социальной действительности. Одновременно шел

^{*} См.: Революционная ситуация в России в 1859–1861 годах. М., 1974. С. 330.

процесс морально-нравственного совершенствования его личности. Адольф Рейхель, вспоминая о Бакуanine, ратовал за написание обобщающего очерка, «в котором образ его (Бакунина. — В. А.) жизни не останется слишком в тени, в котором будет поставлено на вид <...> действительное значение его воли и деятельности, стремление к общему благу и праву, за которое страдал всегда восторженный Бакунин»*. За данной «восторженностью» стояли не только высокие личностные качества неутомимого человека, но и собственно проявления и результаты активной деятельности интеллигенции, во весь голос заявившей о себе именно в России в XIX веке. И то и другое в определенном единстве и составляет то, что принято называть личностным фактором в образовании, понимаемом в широком социокультурном контексте. В известном смысле деятельность Бакунина может быть рассмотрена в контексте общей подвижнической деятельности российского учительства, выполнявшего ответственную социально-нравственную функцию в условиях господства реакции, жесткой цензуры и полицейщины.

Объектом целенаправленных образовательных и воспитательных усилий было все общество, а в качестве учащихся выступали не только молодые студенты, которые составили костяк всего народнического движения, но и люди вполне зрелого возраста и положения. Среди последних нельзя не назвать прежде всего П. А. Кропоткина, который, не зная лично «отца анархизма», считал последнего своим учителем и сподвижником.

В целом, таким образом, образовательно-воспитательный аспект в русском классическом анархизме нес на себе основную нагрузку в плане как подготовки почвы для всеохватной нравственно оправданной социальной революции с преобладанием творчества над разрушением, так и формирования и развития принципиально новых негосударственных институтов и отношений на основе внутреннего единства свободы и ответственности.

Узко заговорщический вариант социально-политических преобразований, не опирающийся на укорененные в обществе свободу и нравственность, принципиально отрицался бакунизмом. Об этом свидетельствует история взаимоотношений М. А. Бакунина и С. Г. Нечаева. Налицо два совершенно разных подхода к проблеме подготовки и осуществления революционных преобразований в обществе.

Бакунин исходил из потенциальных возможностей самого народа, способного понять или почувствовать всю остроту собственного

* См.: Воспоминания о Бакуanine Адольфа Рейхеля // Бакунин М. А. Речи и воззвания. В. М.: Изд. И. Балашова, 1906. С. 296.

положения и сделать решительный рывок в плане его радикального изменения. Известное насилие допускалось, но лишь минимальное и не по отношению к народу, наиболее последовательными представителями которого и выступают наиболее образованные и честные люди. Именно они *«должны пробудить в народе сознание его собственной <...> силы; должны уму указать, как соединением всех местных доселе разрозненных усилий своих в одно дружное всенародное дело он должен восторжествовать над всеми притеснителями и врагами»**. Указанные же качества идейных лидеров и организаторов социального обновления — образованность и честность — формируются, во-первых, благодаря целенаправленным усилиям их старших товарищей или учителей; во-вторых, в результате собственных усилий по самообразованию и самовоспитанию. Свобода в такой трактовке опирается не на саму по себе идею захвата политической власти и разрушения существующего режима, а прежде всего на нравственные установки, среди которых любовь, труд, солидарность и справедливость занимают центральное место. Примером реализации данных установок-ценностей призвана выступить революционная молодежь, несущая в народ не только революционные идеи и лозунги, но и образцы нравственного поведения. При этом коренным образом изменить сложившееся положение, когда в народе распространены религиозное сумасшествие и пьянство, по Бакунину, может только социальная революция.

Бакунина и Нечаева как свела, так и развела прежде всего сама практика революционного процесса. Но за всеми перипетиями последнего в конечном счете стояли определенные идеи, концепции и ценностные приоритеты. Свободу, по Бакунину, нельзя завоевывать индивидуальным насилием и террором, в конечном счете она может базироваться только на высоких нравственных принципах, выводящих, в свою очередь, на соответствующие средства революционной борьбы. По существу, террористическая практика вытекала не из анархизма и не из революционной идеи вообще, — она порождалась самой жизнью в условиях жесткого давления абсолютистской системы на трудящиеся массы, разночинную интеллигенцию и даже дворянство. Поэтому виновниками террористической практики являются как сами террористы, так и те, кто на самом деле толкал их на крайние действия.

Рассматривая современное ему общество, Бакунин фиксировал вопиющее противоречие между сущим и должным, что не могло, по его мнению, не сказываться на всей духовно-нравственной атмосфере,

* Бакунин М. А. Философия. Социология. Политика. М., 1989. С. 142.

на социальном самочувствии человека, по природе своей стремящегося к равенству и справедливости. Развивая оригинальную образовательную концепцию, он говорит не об уравнивании умов и творческих способностей всех, а о равенстве «исходной точки», т. е. возможностей, а не результатов. Реализация подобного замысла несла бы в себе и собственно нравственную нагрузку: ответственность в конечном счете ложится на каждого, исключаются уравниловка и жесткое принуждение.

В подлинно свободном обществе (а не в «свободном» обществе буржуазного типа) потребуются такие ценности, как разум, истина, справедливость, уважение к человеку, сознание собственного достоинства, любовь к свободе для себя и для всех других, лично и социально значимый труд как основа и условие всякого права. Бакунин верит, что в человеке живет способность к разуму, склонность к доброте: «большой частью своими пороками <...> он обязан религиозному воспитанию <...> отсутствию рационального и мужественного образования, дающего людям силу, и в особенности чудовищной несправедливости <...> систематической эксплуатации труда, являющегося единственным источником прав и единственным свидетельством доблести человека»*. Кроме того, в будущем обществе учителя и ученики выступают как равные субъекты. Речь идет о целенаправленном возвращении свободной культуры и культурной свободы. В таком случае не обойтись без взаимоуважения и общественного согласия. При этом подчеркивается роль наиболее образованных, передовых людей своего времени, способных показать пример в деле преодоления предрассудков, заблуждений и невежества.

Процессы социального творчества и обновления развертываются снизу, т. к. «<...> первое условие народной победы — это *народный сговор или организация народных сил*»**. Здесь вырисовывается определенное теоретическое препятствие, которое Бакунину, да и анархизму вообще преодолеть в целом так и не удалось. Возникают вопросы о том, для чего нужен сам сговор, на каких основаниях возможна организация? Как бы отвечая на эти и другие подобные вопросы, русский анархист подчеркивает изначальную готовность народа к преобразованиям. Важно только вовремя и в полной мере обеспечить начало бунта. Получается, что социальный хаос может быть в известной мере инициирован, с тем, чтобы затем он реализовал бы заложенные в нем внутренние потенции естественного порядка. Своеобразным основанием последнего в обществе, по существу, выступает подлинная нравственность, условиями которой, в свою оче-

* Бакунин М. А. Избранные философские сочинения и письма. М., 1987. С. 258.

** Там же. С. 170.

редь, являются «равенство и безвластие». Однако остается открытым вопрос о том, а могут ли последние просто появиться на базе неких природных начал и самой по себе человеческой природы?

Налицо некоторая неопределенность, представляющая, пожалуй, основную трудность в той теоретической конструкции объяснения морали, где на первом плане оказывается сама природа и лишь на втором — общество. Эта трудность лежит на поверхности и в случае с этическим учением Кропоткина, продолжившим линию антропокосмизма Бакунина в связи с учетом идей эволюционизма.

Что касается точки зрения Бакунина, то она ни в коей мере не отрицает разумно-нравственных ограничений, так называемой, «животности». Более того, подлинно человеческим, а значит духовным и свободным, следует считать то, что является результатом целенаправленного преодоления животности. Последняя же, как часть природно-космического, вместе с тем не просто отбрасывается, а диалектически снимается, переводится в более высокий режим подлинно человеческого, духовно насыщенного существования.

Исходный пункт развития общества следует искать в «собственно социальной и частной экономике»*. Тесно связывая свои конкретно-исторические наблюдения и социально-нравственные выводы с достаточно глубоким онтологическим, гносеологическим, этико-философским и социологическим анализом, Бакунин приходит к такому заключению: «...народ, как в силу своего удивительного здравого смысла, так и инстинкта, понял, что первым условием его действительного освобождения, или <...> его *очеловечения*, является коренная реформа экономических условий»**. Последнее по существу и означает преодоление «животности» на уровне общества.

Развивая оригинальную философию свободы, Бакунин в данной работе исходит из того, что свобода представляет собой родовое свойство человека, концентрируясь в таких «прирожденных» качествах, как «мысль» и «бунт». Подобно Фейербаху, он видит в качестве основы всех общественных изменений, ведущих к освобождению, определенные природные качества. Для доказательства неизбежности конечного торжества антиавторитарных форм жизни делается ссылка на объективные формы бытия, на природные закономерности, которые изучаются наукой. Позднее подобная трактовка будет доминировать и в учении Кропоткина. Примечательно, что проблемы народа и социальной революции рассматриваются сквозь призму всеобщей причинности, которая нуждается в тщательном исследовании.

* Там же. С. 449.

** Бакунин М. А. Философия. Социология. Политика. С. 29.

Нравственность в пределах данного подхода имеет как природно-социальное происхождение, так и активно человеческое, творческое, созидательное содержание. Вместо божественного абсолюта, определяющего в конечном счете и свободу человека, рассматривается сама всепроникающая природа, которая порождает высшее свое существо — человека. Именно он, освобождаясь от известных пут ограниченной животности, вступая в отношения с другими людьми, т. е. создавая общество, как бы облагораживает, преобразует «инстинкт» эгоизма в направлении развития общественности и в контексте социального идеала.

Все это неосуществимо без знаний и реальной свободы, которые зависят от времени, места, конкретных потребностей людей, общества в целом. Так, имея в виду различные подходы к социализму, Бакунин четко заявляет, «что для всей массы населения, с которой обращались столь ужасно в течение столетий и по сие время, вопрос хлеба является вопросом интеллектуального освобождения, свободы и человечности; что свобода без социализма — это привилегия, несправедливость, и что социализм без свободы — это рабство и животное состояние»*. Бакунина, как и Достоевского, не устраивает вариант «хлебного рая» без свободы и нравственности, то есть того, что делает человека человеком. Его идеал — не только общество, организованное на началах самоуправления, автономии и свободной федерации индивидов, общин, провинций и наций, но и соответствующая мораль, которая строится на уважении к человеку.

Вместе с тем, как и в случае с марксизмом, важными составляющими такого общества выступают у Бакунина несущие прежде всего нравственную нагрузку равенство и справедливость для трудящихся, освобожденных от всякой эксплуатации. Высшая степень исторической свободы — это переход к такой способности развития, когда индивидуальность каждого не подавляется и когда не общественные отношения господствуют над людьми, а люди господствуют над случайностью и отношениями**. Однако в отличие от марксизма и собственно этатистских течений общественной мысли, возлагавших слишком большие надежды на собственно властные подпорки социальных преобразований или реформ, бакунизм в принципе отрицает диктатуру пролетариата в деле реального освобождения. По мнению Бакунина и других

* Там же. С. 42.

** Гранин Ю. Д. Марксов проект общественного переустройства, философско-социологический контекст // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 32.

теоретиков анархизма, государственники ограничивают естественный поток индивидуального и коллективного творчества, глушат инициативу, идущую снизу.

Отправным пунктом философии свободы практически-нравственной ориентации является неисчерпаемый потенциал самого человека как высшего природного и социального существа. И нравственность, и свобода проистекают, по Бакунину, в конечном счете из естественных природных предпосылок и социальных отношений. Исходя из этого, он определенно заявляет: «Мы <...> полностью отрицаем свободу воли в том смысле, какой приписывают этому слову теология, метафизика и юридическая наука, т. е. в смысле спонтанного самоопределения индивидуальной воли человека независимо от всякого природного и социального влияния»*.

Бакунинская концепция свободы в целом носит целостный характер. Нет оснований отрывать друг от друга такие ее компоненты, как познание необходимости, «элемент бунта» против власти и бунт индивида против «общественного мнения»**.

Разработку исторического обоснования и теоретических основ своей философии, включая философию свободы, Бакунин продолжал до конца своей жизни. Не случайно Маркс подробно изучает и конспектирует именно последнюю крупную его работу, ставшую программной для всего анархизма. Речь идет о вышедшей в 1873 году «Государственности и анархии», включавшей наряду с морально насыщенной разоблачительной критикой государственности собственно социально-экономические, политические и социально-психологические разработки.

Литературно-публицистический характер этого сочинения в целом не помешал сформулировать и систематизировать ключевые идеи зрелого анархизма с прицелом на радикальные преобразования прежде всего российской действительности. Анализ последней имеет во многом ценностно-оценочный характер. С одной стороны, Бакунин указывает на наличие «<...> всенародного убеждения, что земля, вся земля принадлежит народу <...>, что право на пользование ею принадлежит не лицу, а целой общине», которая, будучи автономной, организует общинное самоуправление***. Фиксируется, таким образом, значительный потенциал свободы у крестьян. Однако, с другой стороны, речь идет о полной правде, включая и три «затемняющие черты»: патриархальность, поглощение лица

* Бакунин М. А. Философия. Социология. Политика. С. 109.

** История русского утопического социализма. М., 1985. С. 197.

*** Бакунин М. А. Философия. Социология. Политика. С. 511.

миром, веру в царя*. Указанный потенциал оказывается скованным, но лишь относительно, временно.

Размышляя над проблемой социальной роли «официально-православной» веры, уводящей от земной свободы, автор «Государственности и анархии», делает вывод о том, что «<...> у нас в России этот вопрос далеко не представляет той важности, какую он представляет в Западной Европе», здесь это «явление еще более практическое, чем теоретическое, а именно, не столько заблуждение ума, сколько *протест самой жизни, воли и страсти против невыносимой жизненной тесноты <...>*»** (курсив мой. — В. А.). Не преуменьшая негативной роли этих и других реальных преград на пути самоосвобождения народа, проникательный анархист обращает внимание на пагубность «отвлеченной и доктринерской пропаганды так называемых свободных мыслителей»***.

Ход рассуждений самого М. А. Бакунина другой: дайте широкую человеческую жизнь народу, и он удивит глубокою рациональностью своих мыслей. Правда, остается открытым вопрос: кто же и каким образом даст народу указанную жизнь? В этой и других работах первого русского анархиста данный вопрос разрешается лишь частично. Например, указание на «образованную молодежь», которая призвана многому научить людей, повести их за собой, не подкрепляется достаточным объяснением того, каким образом она сама научится у них образцам высокой нравственности и подлинному свободолюбию. Планируя устранение основного зла в обществе в лице государства, Бакунин просто провозглашал добро (человеколюбие, солидарность и проч.), корни которого обнаруживались им в самой природно-космической реальности.

В связи с этим следует уточнить, что проблема соотношения цели и средств решалась русским мыслителем и революционером вполне приемлемо с точки зрения гуманизма и социального прогресса. Устранение государственных структур — это своего рода хирургическая операция применительно к обществу в целом, а не к конкретным людям. Последние, даже если они представляли указанные структуры, не должны пострадать не только физически, но и экономически: общество призвано компенсировать возможные потери, имея в виду перспективу добросовестного и справедливо оплачиваемого труда (точнее, — вознаграждаемого), включая труд управленческий.

* Там же. С. 512.

** Там же.

*** Там же. С. 513.

На наш взгляд, в целом его понимание самой анархии как системы разумных взаимоотношений свободных людей и целых сообществ скорее ближе к марксистскому идеалу будущего общества, чем к анархистскому идеалу Прудона, согласно которому следует стремиться к обществу мелких производителей, свободных от подчинения государству, равных между собой в правах и охраняющих справедливость, рассматриваемую не в гуманистически-нравственном ключе, а узко прагматически, — в качестве необходимого условия поддержки равновесия.

Не случайно русский анархист в качестве важнейшего фактора своеобразного окультуривания свободы видит не само по себе социально-экономическое равновесие, а образование. «Наша задача, — подчеркивал Бакунин, — состоит <...> прежде всего в уничтожении народного невежества»*. Образование в данном случае рассматривается в узком, собственно революционно-преобразовательном контексте. Эта линия в полной мере проявляет себя и в «Прибавлении Б» к «Государственности и анархии», где развернута «Программа славянской секции в Цюрихе»: «Она имеет полнейшее уважение к положительным наукам; она требует для пролетариата научного образования, равного для всех, без различия полов <...>»**. Но в творчестве Бакунина вырисовывается и более широкий подход к проблеме образования. Последнее рассматривается в аспекте подготовки предпосылок для более свободного и справедливого общества будущего. Не случайно впоследствии В. В. Налимов как бы вторил своему знаменитому предшественнику, обращая внимание на элементы созидательного творчества в послереволюционной общеобразовательной школе 20-х годов XX в.: «Да, в те годы нас научили главному — *любить школу* <...>»***.

Зрелый Бакунин полностью отрицает чисто политический способ освобождения общества, выходит на созидательный духовно-нравственный потенциал самих людей, способных радикально изменить себя, других, все общество. Главным в философии М. А. Бакунина оказывается в конечном счете нравственная сторона свободы, требующая, в свою очередь, соответствующего образовательного подкрепления. Получалось, что образованная молодежь и их учителя — подлинные гаранты порядка.



* Там же. С. 136.

** Там же. С. 525.

*** *Налимов В. В.* Канатоходец: Воспоминания. М., 1994. С. 113.